

ПОСЛЕВОЕННЫЙ
КРИМИНАЛЬНЫЙ
РОМАН

КОРОЛИ ГОРОДСКИХ ОКРАИН

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

**ТАЙНА
ЦЕНТРАЛЬНОГО
РАЙОНА**

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Тайна центрального района / Валерий Шар-
рапов. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Ко-
роли городских окраин. Послевоенный крими-
нальный роман).

ISBN 978-5-04-202176-3

Послевоенная «толкучка» — настоящее золотое дно. Достать там можно практически все — от продуктов до предметов гардероба. А детская одежда и вовсе нарасхват. Вот только откуда она у спекулянтов... Бдительные подростки сообщают в милицию, что видели на базаре приметное детское пальтишко. Точно в таком же возле местного кинотеатра накануне была неизвестная девочка, которая потом пропала. Капитан милиции Николай Сорокин недоумевает: неужели городская легенда о страшном похитителе детей не вымысел и реальный нелюдь действительно вышел на охоту?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-202176-3

© Шаратов В., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Скверный город! Холодно, сыро, до костей пробирает мороз, а уж мостовые — прямое убийство: щербатые, скользкие, подметки горят. И так осталась на троих одна-единственная пара опорок, и та дышит на ладан.

Она с наслаждением разогнулась, вытерла с лица черный жирный пот, машинально отряхнула ладони, невольно рассмеялась — глупая. Эту угольную пыль и мылом не выведешь, только если с наждаком.

Кругом пыль, грязь. Как же так все получилось? Ведь полгода не прошло, как текла совершенно иная жизнь — спокойная, красивая. Она наконец-то защитила кандидатскую, свершился первый в ее жизни образцово-показательный выпуск учеников, блестяще доказавший на практике эффективность ее подхода к детям, построенного на единственно верной форме индивидуального воздействия на воспитуемого — беседа с ним.

Ребята получились великолепные, восприимчивые, их не надо было тянуть на аркане к знаниям. Она умела создать в процессе обучения атмосферу светлой, радостной, волнующей тайны, стремясь

узнать которую, ребята легко, играючи одолевали любые высоты в знаниях. Пять круглых отличников! Пять!

Она в легком строгом платье, пошитом на заказ, в туфельках, такая вся молоденькая, казалась не старше выпускниц, горделиво сияя, принимает заслуженные поздравления. Все тогда было по иному: притихшие пустые классы с распахнутыми окнами, сирень бушует, залиты светом школьные дворы, и букеты, букеты, букеты! А сколько угощений, сколько еды. Какими они были тогда расточительными, когда было что расточать. Сверкающей и легкой была жизнь, как золотистые пылинки в солнечных лучах, а впереди — только долгие, счастливые три месяца отпуска.

Мужа ожидал перевод в Ленинград, на новый, перспективный участок государственного значения — поступили новые экспериментальные образцы картофеля, который, как полагали, можно «приучить» расти и обильно плодоносить при экстремально низких температурах и скудном освещении.

И в преддверии серьезной, напряженной работы супругу с семейством выделили драгоценную путевку. Правда, по окончании отпуска придется покинуть родную столицу. Было немного жаль, но и Ленинград ничуть не хуже. К тому же это будет потом, в сентябре. А пока ничего впереди не омрачает горизонты. Дети — старшая Идочка, младший

Сима, — впервые увидев теплое, огромное вздыхающее море, были в восторге. Ни родная Яуза, ни Сокольнические пруды ни в какое сравнение не идут. И дочка, правда, сначала немного побаивалась моря, беспокоясь о том, что не видно другого берега. Однако, очень скоро выяснив, что тут проще плавать, чем в Оленьих прудах, так же, как и брат, уже не вылезала из воды. Папа шутил, что у них вот-вот прорежутся жабры.

И как гром среди ясного неба — эта телеграмма. Срочный вызов в Ленинград.

Муж быстро собрался, поцеловал, на все вопросы отшутился, пообещал с улыбкой, что скоро все «устроится», и уже строго-настрого предписал не волноваться. Таким он навсегда остался в памяти: высокий, большерукий, большеногий, с такими искрещенными, хулиганскими синими глазами.

Где же он теперь? Жив ли? Как же не хватает его уверенности, спокойствия... Эгоизм, конечно, с ее стороны, но она так привыкла к тому, что он всегда рядом с ней, что он старше и умнее ее, что он всем всегда доволен. Он неизменно призывал никогда не задумываться над тем, что же случится завтра. «Живи по писаному, — смеялся супруг, — будет день, и будет пища».

Знакомые шутили, что они друг друга дополняют. Она всегда хлопотала, во всем находила повод для беспокойства и готовилась к худшему. Даже уходя

гулять по любимым Сокольникам, хлеба с собой набирала, как в тайгу, — так уж привыкла с детства.

Оказалось, что ни она, никто иной не был готов к тому, что в разгар легкой, яркой жизни начнется война, померкнет мирное небо, и его будут рвать огненные всполохи. И всем, даже ей, сильфиде¹ бесплотной, придется браться за лопаты, и вместе с целой толпой незнакомых людей, со всем городом, рыть траншеи, возводить какие-то варварские ловушки, точно на мамонтов.

Спина ныла, нежные руки немедленно стерлись, мозоли с великой скоростью набухли, тотчас порвались, загрязнились — в первый вечер она с ужасом рассматривала свои ладони, чужие, страшные, с чернющей кромкой под обломанными ногтями. Во второй вечер уже стало не до того, на третий — не было времени ужасаться.

Из Москвы — ни весточки. От мужа — ни слова.

Дети, воспитанные, не выказывая ни тени испуга, сидя на чужой кровати, никаких вопросов не задавали, но было видно, как ужасно они боятся. Вставать лишний раз не решались с кроватей, вздрагивали и тряслись, прислушиваясь к пока еще далекому взрывам.

---

¹ Сильфиды -ы; ж. [*франц. sylphide*]. Традиц.-поэт. В кельтской и германской мифологии, в средневековом фольклоре многих европейских народов: бесплотное существо в образе женщины, олицетворяющее стихию воздуха.

К чести администрации, из санатория никто никого не гнал, только когда усилился гул в небе, старый главврач мимоходом заметил, что скоро, должно быть, койки понадобятся.

И все равно все еще казалось дурной шуткой, ночным кошмаром, от которого очень просто очнуться, стоит захотеть.

Взрослые с утра и дотемна рыли траншеи — с остервенением, стараясь тяжелым трудом прогнать из головы дурные мысли. Удивительно, но вскоре она, рафинированная интеллигентка, весьма ловко наострилась орудовать лопатой, да так, что все удивлялись: как, вы из Москвы? Педагог? А она работала, работала... тяжелый труд порождал безумную надежду на то, что чем лучше работа будет сделана, тем быстрее «все окончится». Однако все только начиналось.

Вскоре и город, и окрестности накрыла душная тьма, грохочущая разрывами. Было страшно, но не за себя, а за детей. Не станет ее, убьют — что с ними будет? Как они будут жить воспитанные, вежливые, робкие? Останутся одни, без денег, без мало-мальски теплых, не говоря о зимних, вещей, они же приехали в отпуск. И без обуви — с нею особенно туго.

С безумной надеждой она все еще вслушивалась в разговоры, жаждала привычных успокаивающих речей — первое-то время они звучали. Многие люди, особенно те, что в возрасте, которым более

всего доверяешь, уверяли, что это ненадолго, что немцы — это не страшно, вы просто не помните, а вот в прошлую войну они приходили по-европейски культурно. Потом поползли такие слухи, от которых все умиротворяющие рты закрылись.

И вот прозвучало дикое слово «эвакуация». Скомандовали подниматься и грузиться. Она попыталась настоять на том, чтобы вернуться в Москву, ее подняли на смех: да молчите вы! Повезете детей волкам в пасть? Куда отправят — туда и отправитесь.

Куда, зачем? — никто не отвечал.

Тащились невесть куда как были, в летних платицах и шортах, совершенно покоровившись судьбе. Сначала ехали в переполненных вагонах пассажирских поездов, потом, когда попутчиков стало еще больше, их перекинули в теплушки, уже забитые предыдущими эвакуирующимися. Потом кончились и рельсы, и транспорт, и вообще дороги. Они пошли пешком, когда везло — ехали на попутных грузовиках.

Еды не оставалось совсем, приходилось попрошайничать — ничего, подавали. Идочка сначала смущалась, потом привыкла, Сима сперва краснел и отказывался есть, но потом голод сделал свое дело, начал есть, еще как.

Пошли дожди. Добрались до какой-то станции, узловой, судя по всему. Эшелонов было много, но все забиты людьми, они висели на выступах, невоз-

можно было не то что ногу поставить — рукой зацепиться. Но она уже закалилась: ногтями, зубами, криком добыла детям место на крыше. Так проехали еще и еще.

Справедливости ради надо сказать: чем дальше отъезжали, тем спокойней становилось. Уже где-то у черта на куличках местная сердобольная бабка ужаснулась: «Батюшки, вы откуда такие?!» — и почему-то сама, без просьб, снабдила чем было — потрепанными домоткаными юбками, штанами такими, что в Москве не каждый старьевщик решился бы их надеть. И все-таки стало теплее. Вот только с обувью случился полный швах, ее у местных не было. Им с дочкой нашлись опорки, на их небольшие ножки, а сын, с его огромными, как у отца, лапами, страдал. Кто-то из попутчиков пожертвовал старое одеяло, его разрезали и наматывали на ноги, на манер портянок — как это делается, показал какой-то дед.

Очнулись, а на дворе аж Омск. Она, вспомнив карту Союза, ужаснулась: как же они отсюда выбираться-то будут?! И мысли не было о том, что будет кому выбираться.

К тому же повезло, им выделили в общежитии целую комнатку на две с половиной койки. Дети, ангельски тихие, привыкшие ко всему, были и тому рады, что не трясет, не стучат колеса, да и не дует.

Она первое время думала лишь о том, чтобы было тепло — тепло и было, даже душно. Централь-

ного парового отопления нет, горькой гарью тянуло от буржеек, диким керосином — от примусов. И все-таки тепло, и это очень, очень хорошо, ведь уже осень, ужасная, холодная.

Вот с едой было плохо. И по-прежнему от мужа ни весточки.

Она попыталась устроиться на работу по специальности, но царил дикая неразбериха, таких, как она, учительниц, было пруд пруди. Сердобольный старикан, с которым случайно разговорились, которого, по его словам, перебросили уже на столичный, тоже эвакуированный, завод, пособил, их приписали к столовой для сотрудников этого предприятия. Потом, чуть позже, он принес еще партию ватина, из которого она с грехом пополам пошила детям подобия телогреек.

Но теплой обуви по-прежнему не было.

Выпал снег, ударил мороз, случилось страшное: заболел младший. Он ходил за хлебом, думая помочь маме, и что-то случилось, чего-то испугался, побежал, потерял свои обмотки и босым пришел домой. Поднялась высоченная температура. Целыми днями сын плакал, потом, сорвав голос, лишь покрикивал, пронзительно, со рвотой, метался в корчах, запрокидывая голову чуть не к лопаткам... Она пыталась размять затекшую тонкую шейку, но сын только кричал, дергая руками и ногами.

Менингит, сказала одна знающая женщина, небось схватился грязными руками за глаза. Даже если выживет — слепой останется.

Потянулись страшные, сумеречные дни — он кричал на любой свет. Мать уже забыла, когда спала. Последнюю дорогую вещь — обручальное кольцо — продала за копейки, пригласила некоего местного чудо-доктора. Тот пришел, послушал, поправил очки, никаких надежд не дал. Ждите, мол, кризиса. Как должен был выглядеть этот кризис?

Сын уже не приходил в сознание, метался, раскрывался, а она, как сумасшедшая, как заведенная, все терла и терла его красные ноги кем-то пожертвованным спиртом, разведенным с горчицей. Как будто трением пыталась добыть всесильного джинна, который всех спасет.

Она сама уже впадала в забытье, и тогда Идочка, придя со смены — и она трудилась, бедная, которая раньше и веник в глаза не видела, — оттаскивала ее на койку.

Как-то привиделось жуткое. Вроде бы Олений пруд, но на берегу — черные, точно обугленные, сосны, и сам берег не зеленый, а засыпан белым, как пепел, песком. Ужасно хочется пить, но что-то не пускает к кромке. Не идетя. Ноги босые, свинцовые, еле передвигаются, вязнут в песке, а он ледяной! И в ноздри бьет какое-то тревожащее, липкое тепло, которое никак не может исходить от водо-

ема. Ногам очень холодно, голове — жарко, очень хочется пить, и она все бредет, бредет — вот уж совсем близко вода, а над ней курится странный красноватый туман. Она кидается ничком, окунает лицо в воду — и пусть это не вода, а кровь, густая, пахучая, но как же пить охота...

Сделала она глоток или нет — неясно, из кошмара вырвал тихий возглас дочки и зов сына:

— Мама! — испуганный, но осознанный, крепкий голос.

Она вздрогнула, проснулась, сердце колотилось около горла. Идочка, с вытаращенными глазами, руки у рта, сидела на табуретке, как на жердочке, почему-то поджав ноги. И сынок сидел — сидел! — на кровати, в полном сознании. И пусть глазик один раскосенький был мутный, как свернувшийся белок, но второй, хотя и запавший, смотрел осмысленно, ясно.

— Мама, можно хлебушка?

Она зарыдала от счастья.

Пришедший «профессор» флегматично констатировал:

— Зрения на одном глазу нет. Но кризис миновал. Теперь все будет хорошо, главное — ноги держать в тепле.

В мозгу тотчас отозвалось эхом: «В тепле...» Хорошо ему толковать, чудо-доктору, в очках, пальто и теплых сапогах. Где же взять это тепло?

Прошлась по соседям — те лишь руками разводили: нет лишних, да еще Симочкиного размера.

На местном базаре разной обуви хватает, но у нее совершенно ничего нет — ни денег, ни украшений, ни даже лишней снеди на обмен не было. Подумала было о самом гнусном — но зеркало убедительно показало, что этот путь ей заказан: ни былой, ни какой-то иной красы и в помине не было. За это валенок не выручишь, а позора — сколько угодно. Как бы с квартиры не попросили.

Тут она глянула на часы и переполошилась. Пора бежать на смену.

Чудом удалось добыть работу в местном кино-театре — вот и пригодился ее «талант» махать лопатой, взяли на место запойного инвалида-кочегара.

Дочка, все еще какая-то испуганная, но уже постепенно оживающая, синяя от бессонницы, пролепетала:

— Я посижу с Симочкой, не волнуйся.

Ангелы, белокурые ангелы! Жаль, что, в отличие от настоящих, им нужны и кусок хлеба, и одежда, и на ноги что-нибудь... «Кому молиться, кому жертву принести, чтобы вот тут, в углу, появились хоть какие-нибудь валеночки?!» Супруг так любил, когда она ходила в ма-а-аленьких туфельках, с бантиками, а теперь извольте натянуть на покрасневшие, начинающие пухнуть ступни разваливающиеся опорки, перемотанные проволокой да остатками

одеяла, и бежать по жгучему снегу на работу за два квартала.

Трудилась она в котельной кинотеатра. Это была местная достопримечательность, деревянное здание, срубленное на высоком берегу реки заезжим купцом. После национализации заведение осталось служить культуре, в нем показывали фильмы не только революционного содержания, но и комедии, и приключения, в связи с чем кинотеатр процветал.

Задачи кочегара обычные: топить да прибираться между сеансами и после. Котельная располагалась в подвале, оттуда было два хода — с улицы и с потаенного уголка фойе, в который кроме нее, старательной уборщицы, мало кто заглядывал. На работе было тошно, грязно, зато тепло. В крайнем случае можно было бы и ребят сюда пристроить, и Симочку перенести — если начальство согласится, он мальчик с норовом, а после болезни стал таким нервным.

«И где же все-таки... валенки найти? Ох и навозили же ножищами...»

Публика уже вошла в зал, и лишь какой-то парнишка замешкался у закрытых касс, озираясь. Довольно-таки упитанный, круглощекий, но по его «туалету», по разрозненным его деталям, было ясно, что он то ли из эвакуированных, то ли из пролетарского семейства, в котором мал мала меньше и в котором принято донашивать за братьями и се-

страдами. Не похоже, что беспризорник, хотя кто их знает...

Все мысли померкли, когда в глаза ей так и бросились... валенки! Прекрасные, новехонькие, подшитые толстой кожей, и размер сорок четвертый, не меньше, как раз с запасом!

Прежде чем замысел оформился окончательно, она спросила, улыбаясь:

— Что, малыш, не попал на сеанс? А хочешь, покажу тайный ход?

Он весь вспыхнул от радости, как новогодний фонарик, на мгновение шевельнулась жалость — но как-то быстро пропала, поскольку была не ко времени. За эти месяцы она оторвалась не только от дома, но отреклась и от прежней жизни, от всего прошлого, отреклась от самой себя — лишь бы детей выпестовать. Лишь бы не голодали, не мерзли. Ради этого она готова... ну, в целом уже на все.

Главное — не наследить, а за этим дело не станет, главное — тщательно распределить по топке жаркие угольки, аккуратно раздробить крупные частицы, перемешать кусочки, проследить за тем, чтобы ничего не выпало на всеобщее обозрение.

...Валенки, почти новая ушанка, целый ватник, сатиновая рубаха, суконные добротные штаны — семейство внезапно разбогатело. Что-то можно было оставить, что-то продать, главное — спороть вот эту метку.

«Надо же, Ваня Жуков... да уж, нарочно не придумаешь...» — а вот как раз и ножичек, маленький, острый, со множеством лезвий, вилкой, ложкой, шилом и прочим. За него можно немало выручить. Но Симочка вцепился в него бледными лапками, смотрел так просяще. Пусть себе оставит, решила она, ничего. Теперь все будет в порядке, хотя бы понятно, что делать.

Главное, чтобы он ничего не знал. Идочка старшая, она поймет — а этот маленький, избалованный... не простит.

Ничего. Пока живем — а там будет день и будет пища. Все будет по писаному.

ГЛАВА 1

Заслуженный кинотеатр «Родина» доживал свои последние деньки — и поделом, в последнее время он вызывал массу нареканий, являя собой гнездо разврата и разложения. Это почтенное здание было выстроено для других целей, как бывшая церковь при уже несуществующем доме призрения чахоточных. Хозяйство здесь завели до Первой мировой местные буржуи, князья Трубецкие, которые задумались о своих душах и пожертвовали свой парк больным, чтобы они жили посреди полезных для их здоровья зеленых насаждений. Тогда он был наверняка гуще, но после революций и трех войн, заметно поредев, целебные свойства утратил. Сам чахоточный дворец, где ранее в относительном комфорте доживали свой век болезные, вообще перипетий истории не перенес. Один корпус разнесло немецкими бомбами, от второго остались стены и фундамент. Уцелела и церковь, которую сначала оборудовали под склады, потом, с тридцатых годов, под кинотеатр, в суровые военные времена — под все, что понадобится.

Теперь вся эта местность и вообще весь этот порядком облысевший, поредевший парк требовал активного вмешательства. Нет, на Первомай и на осенние субботники пионеры и комсомольцы старательно высаживали чахлые деревца, но в целом атмосфера не способствовала их выживанию — их или ломали на опахала, отгонять комаров, или они сами засыхали. С мусором такая же история: собирали его намного медленнее, нежели набрасывали. Грязно в парке, неудобно. Степень разрухи была такая, что требовалось намного больше усилий, чем те, которые применялись.

Пока в Моссовете утрясали и согласовывали перспективы развития парка, его территорию захлामी окончательно. Разрушалось все — дорожки вздымались, поднимаемые корнями деревьев, скамейки частью переломали, частью растащили на дрова, равно как и помост, и навес над танцплощадкой.

В основном теперь в парке собирался несознательный элемент, который не устраивал культурный отдых при текстильной фабрике. Вот там развернулись, обустроили сквер, выстроили новехонькую танцплощадку под навесом-«ракушкой», на которой невероятно приятно звучал не только патефон, но и самодеятельный духовой оркестр.

Дом культуры реконструировали, побелили, новые стулья поставили — и открыли сказочный кино-